

К О Н С У Л Ь Т А Ц И Я

ИСТОРИЯ СЛОВА «КРАСНЫЙ»

1

Основное значение прилагательного *красный* в современном русском литературном языке — имеющий окраску одного из основных цветов радуги; значения «красивый», «нарядный», «украшенный», «почётный», «ценный», «дорогой», «ясный», «светлый» для современного языка устарелые и народно-поэтические¹.

Однако с приставкой *пре-* это же слово никакого цветового значения не имеет, и *прекрасный* значит «очень, замечательно красивый», а также «отличный», «очень хороший»².

Если мы обратимся к памятникам древнерусской литературы, то обнаружим в них совсем иное соотношение значений. В древнерусских текстах самых различных жанров — от «Слова о полку Игореве» до церковно-культовой литературы — *красный* в значении цвета не встречается вовсе: его основное значение — «красивый», а также «приятный», «нарядный», «радостный», «почётный». Так, в «Слове о полку Игореве» *помчаша красныя дѣвки половецкыя* выступает значение «красивый», «прекрасный», а в обращении Ярославны к солнцу *светлое и пресветлое слънце! Всем тепло и красно еси* — «приятный», «радостный». В церковной письменности значение «красивый» тоже обычно, например: *видѣша красно отроча* («Песн. Песн.», 11, 14), но также «достойный», «лучший» — *многомъ жєсточеаниемъ душоу просвѣтити, пощениемъ краснѣйшю показа* («Мин.», 1097 г., л. 27), «приятный», «радостный» — *плєнь поеть красну* («Ирм. ок.», 1250 г.) и т. п.³.

¹ См. «Толковый словарь» под ред. Д. Н. Ушакова, т. I.

² Поэтому с приставкой *пре-* можно выразить усиление цветового признака лишь в сочетании с бесприставочным словом: *красный-прекрасный*.

³ См. «Материалы для словаря древнерусского языка» Срезневского, т. I; кроме того, в настоящей статье использованы материалы картотеки Исторического словаря и Современного словаря Института языкознания АН СССР (Ленинград).

Насколько ещё в XV в. *красный* мог употребляться без всякого сопоставления с цветом, можно судить по языку «Хождения» Игнатия Смольянина: *плѣвцы же стояху украшены чудно. Старѣйший ихъ бѣ красень, какъ снѣгъ бѣль*.

Другие славянские языки не только в прошлом, но и в современном своём состоянии не знают за словом *красный* нашего значения цвета, но для всех их характерно значение «красивый». В чешском и словацком языках *krásny* — основное слово для понятия «красивый», «прекрасный»⁴; в сербском *krásan* — «красивый»⁵; в польском *krasny* — *gladki, ugodziwy* — русское «красивый»⁶; в украинском *красный* — «прекрасный», «красивый», «хороший»⁷; в белорусском *красный* — «красивый»⁸. У нас имеются, таким образом, все основания считать, что, во-первых, слово *красный* в этом значении было общим словом всех славянских языков и что, во-вторых, оно входило в этом значении в основной словарный фонд русского языка Киевского периода, как входит и поныне в основной словарный фонд других славянских языков.

Таким образом, современный русский литературный язык в значении слова *красный* резко расходится как с древнерусским, так и с другими славянскими языками. Это расхождение сказалось не только в изменении значения самого слова *красный*, но и в том, что современный русский язык утратив в этом слове значение «прекрасный», должен был создать новое слово с таким же значением; с другой стороны, в древнерусском языке должно было существовать какое-то другое слово, обозначавшее соответствующий цвет.

⁴ Чешско-русский словарь под ред. Богатырёва, М. 1947.

⁵ Сербско-русский словарь Мичатека, СПб 1903.

⁶ Словарь Линде, т. 11.

⁷ Словарь украинского языка Гринченко, т. II.

⁸ Словарь белорусского языка Носовича, стр. 252.

2

Таким другим словом в древнерусском языке для обозначения соответствующего цвета было *червлёный* (*червеный*, *черлгный*), а также однокоренное с ним *черватый*. С этим же корнем *черв-* мы находим слова, обозначающие красный цвет, и в других славянских языках: болг. *чрвен*, серб. *чрвен*, чешск. *tervený*, польск. *szerszeń*, укр. *червоний*. В древнерусском языке *червь* (*чървь*) означал не только «червяк», но и «красная краска», а *червецъ* (*чървьць*) было не только уменьшительным к *червь*, но значило также и «красный цвет». Связано это с тем, что один из разрядов червяка, насекомое *червецъ* (кошениль, *соссисс*) являлось в эпоху средневековья основным материалом, из которого добывалась красная краска¹.

Как название цвета производное *червлёный* (*черватый*) характеризуется отсутствием каких-либо добавочных семантических ответвлений (переносного, расширительного, идиоматического употребления), которое так свойственно основным словам, обозначающим цвет (например, *белый*, *чёрный*, *красный*).

В Словаре Академии Российской *червлёный* определено как «багряный, имеющий цвет тёмнокрасный с чернью». В Словаре же, изданном 11-м отделением Академии наук, *червлёный* (с примерно таким же определением — «истемна-красный, багряный») имеет уже ограничительную помету *церк.* В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова это слово имеет помету *книжн. устар.*

Таким образом, *червлёный* и *черватый* исчезают из литературного языка по мере того, как *красный* в значении цвета всё более проникает в литературный язык.

3

Впервые наши письменные памятники фиксируют слово *красный* со значением цвета с XVI в. Самое раннее из известных нам упоминаний слова с этим значением относится к 1515 г.: *и мы тебѣ пожаловали, птицу красную к тебѣ послали, чеглигъ кречатеи*². С этого времени *красный* в этом значении начинает встречаться часто. Однако обращает на себя внимание однообразие памятников, в которых мы сталкиваемся с этим значением. Для XVI в. это исключительно деловая литература, главным образом приходно-расходные и переписные книги, а также Торговая книга, в которых *красный* как

обозначение цвета является определителем сорта товаров: *купил... три кожи красных; привезли красного товару 8 юфтей; два боранца да двѣ телятины красныхъ; квасцы бѣлые и красны; мѣдь красная; питье красное церковное* и т. п. В Новгородских кабальных книгах *красный* встречается среди примет: *волосомъ чермень, очи красносеры*³. Подтверждением широкого распространения в XVI в. красного как цвета является то, что это слово находится в Парижском словаре 1586 г. среди ряда других названий цветов (*черной, белой, зелен, жолт, красной*) как соответствующие французскому *couleur*⁴. Это же подтверждает бытование слова в посадско-купеческой среде.

Естественно возникает вопрос: тем жанрам речи, в которых мы раньше всего встречаем употребление слова *красный* в значении цвета, свойственно ли было употребление этого же слова и в значении «прекрасный», «красивый»?

Деловому языку, который первый отразил употребление цветового значения этого слова, несвойственно по самому характеру и содержанию своей письменной речи употребление качественно-оценочных эпитетов с той резко выраженной эмоциональной окраской, которая заложена в значении «прекрасный», «красивый». И всё же можно утверждать, что и качественно-оценочные значения слова *красный* были этому языку известны. В тех же самых документах, в которых мы встречаем слово *красный* в значении цвета, мы найдём *красный* как определитель сорта, никак не связанный с цветом. В расходных, писцовых книгах и другого рода документах того же XVI в. мы постоянно встречаем записи о покупке или улове *красной рыбы*: *купилъ... рыбы красные на годовой обиходъ, пятьдесятъ осетровъ длинныхъ*⁵; *а ловя... красную рыбу семгу всюю волостью*⁶ и мн. др. Под понятие *красной рыбы*, как это раскрывается в документах, входят: осётр, севрюга, сёмга, лосось и т. п., т. е. самые крупные, жирные, бескостные сорта рыб. Как и в современном языке, *красная рыба* означала высший сорт рыбы. Таким образом, в этом сочетании в слове *красный* обнаруживается значение «высшего качества», «ценного», «лучшего». Те же значения вскрываются и в сочетаниях *красный зверь, красная дичь*, тоже сохранившие до наших дней

³ Новгородские записные кабальные книги (Институт истории Академии наук СССР, М.—Л. 1938, стр. 2, 1594 г.)

⁴ Б. А. Ларин, Парижский словарь московитов, 1586 г. Изд. Латв. университета, Рига 1948, №№ 297—302.

⁵ Книга расх. Болдин-Дорог. м-ря (РИБ, т. 37, стр. 2, 1589 г.).

⁶ Архив П. М. Строева, стр. 579, 1581 г. (РИБ, т. 2). Ср. также: Грамоты Двинского у., стр. 164, 1563 г. (Сб. грамот Колл. Экон., т. 1); АЮБ, т. 11, стр. 232, 1671 г.; Сотная писц. кн. 1567 г. по Устюжне Железопольской (рук. Моск. арх. мин. юст.) и др.

¹ См. В. А. Шавинский, Очерки по истории техники живописи и технологии красок в древней Руси, Огиз, М.—Л. 1935, стр. 100—103.

² «Пам. дипломат. снош. Моск. гос-ва с Крымом», т. 11 (Сб. Русск. истор. об-ва, т. 95, стр. 126). Кречеты разделяются на белых, серых и красных, в зависимости от окраски. Ср.: *и прислати нам... птиць кречатов красных... да сырыхъ* (ДАИ, т. VI, стр. 369, 1675 г.).

в терминологии охотников название лучших, наиболее ценных пород зверей и дичи.

В середине прошлого века составитель сельскохозяйственного терминологического словаря В. Бурнашев отметил, что *красной пшеницей* «у нас повсеместно называют озимую пшеницу, которая по белизне и нежности своей предпочитается яровой, известной под названием кубанки».

До очень недавнего времени в крестьянском быту были широко распространены такие понятия, как *красный угол*, *красная лавка*, *красная изба*, где *красный* означал «почётный, самый чистый, лучший».

В произведениях народного творчества эпитет *красный*, встречающийся часто, многозначен. *Красный* — это «красивый, ценный, почётный, приятный, радостный, яркий». Например, в пословицах, известных нам уже по записям XVII в.: *не красна изба углами, а красна пирогами; без обеда не красна беседа; заем красен платежом* и др.¹

Также в обычных сочетаниях: *красное солнце, красная заря*:

Как на светлой заре на утренней,

На восходе было *краснова солнушка*².

Или:

Взойду я на круту гору,

Взгляну я под *красну зорю*³ и т. п.

Многозначность слова *красный*, наличие его в самых разнообразных жанрах речи, широкое распространение в народном творчестве в качестве «постоянного эпитета», применение его в качестве составной части в целом ряде терминологических сочетаний, отражающих народную жизнь, — всё это говорит о большой древности слова.

На примере слова *красный* мы видим, что новый этап в истории русского языка, связанный с образованием Московского государства, вносит существенные изменения в язык, изменения, вызванные участием говоров Москвы и прилегающих к ней районов в дальнейшем развитии языка.

Эти изменения сказывались не только на словарном составе языка, но, что особенно важно, на основном словарном фонде, который, при всей своей устойчивости, всё же меняется, хотя и очень медленно⁴.

Ведь если не вызывает сомнения вхождение слова *красный* в значение «красивый» в основной словарный фонд древнерусского языка (Киевского периода), то тоже бесспорно, что к XVII в. — началу XVIII в., когда в этом значении слово *красный* уже перестаёт быть общеупотребительным

и повсеместно начинает употребляться в значении цвета, эти изменения отражаются и в основном словарном фонде.

Кроме того, изменения в значении слова *красный* привели ещё и к другим словарным изменениям — исчезло слово *червлёный*, обозначавшее в древнерусском языке красный цвет, и с конца XVII в. появляется новое слово, которое стало означать то, что раньше означалось словом *красный*, — появляется слово *красивый*. Это тоже должно было отразиться на основном словарном фонде, поскольку слова, обозначающие красный цвет и служащие основными выражениями понятия красоты как качества, принадлежат к таким основным словам всякого языка, которые характеризуют не только его словарный состав, но и основной словарный фонд.

Таким образом, слово *красный* является ярким примером тех изменений, которые переживает русский язык в XVI—XVII вв.

4

Когда же появляется слово *красивый*, которое заменило старое значение слова *красный*?

Изучение памятников XVII в. показало, что в ту пору прочно установившегося, точного соответствия старому значению слова *красный* не было. В различных памятниках, в зависимости от жанра, темы, общего характера литературного языка, находим *хороший*, *украшенный*, *нарочитый*, *изрядный*, *весёлый*, *дивный* и т. п.

Слово *красивый* появляется только во второй половине XVII в. Нам известны в XVII в. только два случая его употребления, оба у Николая Спафария: *а тѣ лѣстницы дѣланы великомъ художествомъ, что издали смотритъ зѣло красиво*⁵; и там же: *горы высокіе и красиво мѣсто*⁶. В начале XVIII в. это слово встречается чаще, а к середине века завоёвывает прочное место основного слова, выражавшего красоту определяемого понятия.

Само по себе появление этого слова вполне естественно. Образование прилагательных с помощью суффикса *-ив-* от именных и глагольных основ было обычно в литературном языке с древнейших времён. «Материалы для словаря древнерусского языка» Срезневского указывают на большое количество таких прилагательных.

До исчезновения из литературного языка соответствующего значения слова *красный* не было никакой необходимости в таком дублетном слове. Нормальное и обычное по своему морфологическому составу, оно вошло в язык лишь после того, как появилась в нём острая нужда. А поскольку старое значение слова *красный* уходило

¹ Старинные сборники русских пословиц. Собрал П. Симони, I—II, СПб 1899 (сб. ОРЯС, т. 66, № 7).

² Сборник Кириши Данилова, изд. Публ. библ., СПб 1901, стр. 127.

³ Сборник песен Самарского края, собр. В. Г. Варенцовым, СПб 1862.

⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. «Правда», 1950, стр. 21.

⁵ Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1675—1678). («Вестник археол. и истории», СПб 1906, вып. 17, отд. 2, стр. 257.)

⁶ Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Н. Спафария в 1675 г. (Записки Русск. географ. об-ва по отд. этнографии, т. X, стр. 34.)

из языка не сразу и не одновременно из всех жанров языка, не сразу осознавалась необходимость в его замене. Вот почему, хотя значение цвета стало вытеснять старое значение слова *красный* в литературном языке уже с XVI в., новое слово *красивый* появляется только в конце XVII в., а прочно входит в язык ещё позже — к середине XVIII в.

Но, как уже указывалось выше, бесследно из языка старое значение слова *красный* не исчезло. Помимо фольклора, где оно обычно в качестве постоянного эпитета (*красная девица, красный молодец, красный день, красное солнце* и мн. др.), а также многочисленных пословиц и поговорок (*на чужой стороне и весна не красна; бой красен мужеством, а приятель дружеством; на миру и смерть красна* и т. п.), оно встречается в целом ряде терминологических сочетаний (*красная изба, красный товар, красный день, красная рыба, красный двор*¹ и др.).

Старое значение, с уже выветрившимся смысловым содержанием, встречается в целом ряде топонимических названий: *Красный Холм, Красный Яр, Красная Слобода, Красноборск, Красногорье, Красное Село* и очень много других.

Некоторые из старых сочетаний такого рода сохранились как собственные названия: *Красные ворота* и *Красная площадь*² в Москве, *Красное крыльцо* — главная лестница Московского Кремля.

Писатели в конце XVIII в., особенно в XIX в., часто пользовались словом *красный* в старом значении, но уже не как архаизмом высокого книжного стиля, а как элементом народно-поэтической речи:

Здравствуй, *красная девица*, —
Говорит он, — будь царица.

(Пушкин, Сказка о царе Салтане.)

Попрыгунья-стрекоза *лето красное*
пропела.

(Крылов, Стрекоза и Муравей.)

Красны девушки-лебёдушки
Новины свои несут.

(Некрасов, Коробейники) и мн. др.

Некоторые из народных и народно-поэтических выражений вошли в разговорный язык, а затем как элементы этого разговорного языка, — в литературный. Не говоря уже о пословицах, которые обычны в нашей речи, отметим такие выражения, как *красная девица*, в ироническом осмыслении по отношению к застенчивому, робкому мужчине: «Мой пансионный товарищ, слывший в молодости за *красную девицу* и оказавшийся впослед-

ствии вовсе не застенчивым» (Тургенев, Яков Пасынков); или: «Володя и Дубков после ужина ездили куда-то без Нехлюдова и называли его *красной девишкой*» (Л. Н. Толстой, Отрочество). Старое значение «очень ценный», «дорогой» сохранилось в выражении *красная цена*: «По восьми гривен за душу — это самая *красная цена*» (Гоголь, Мёртвые души); или: «Всей этой шапке, если хотите знать, *красная цена* — пять целковых» (Чехов, Холодная кровь).

Итак, в нашем современном литературном языке, наряду с основным значением — цвета, продолжает жить слово *красный* в старых значениях — в терминологических сочетаниях, пословицах, ярких народных выражениях и народно-поэтических образах.

5

В конце XVIII — начале XIX в. слово *красный* приобретает ещё одно значение, наложившее известный отпечаток на всё дальнейшее развитие этого слова.

По традиции от французской революции конца XVIII в., когда красный цвет стал символом революционной борьбы за свободу, символом революционных идей, за *красным*, как словом, обозначающим этот цвет, закрепляется значение «революционный», — так именно это имеет в виду Пушкин: «Не в моде нынче *красный цвет*» (П. Филимонову).

В этом значении слово *красный* субстантивировалось; как существительное оно стало значить «республиканец», «революционер», «коммунист»³: «Он либерал и считается в уезде *красным*» (Чехов, Соседи). О том, как это новое значение в какой-то степени воспринималось на основе обычного значения цвета, раскрывается М. Горьким в его пьесе «Враги»: «Полина. Ты не знаешь, Таня... а Захара считают одним из *красных* в губернии!» «Татьяна (ходит). Я думаю, он *краснеет* только со стыда, да и то не часто...» («Враги», д. I).

Уже у поэтов-революционеров XIX в. это новое значение наслаивалось на старое, сохранившееся в народной речи значение «радостный», «счастливый», и в их употреблении *красный* — «революционный» не только как выражающий революционные идеи или призыв к революционным боям, но и как выражающий то счастье, ту радостную жизнь, которая наступит в результате такой революционной деятельности:

Я видел *красный день*: в России нет раба.
И слёзы сладкие я пролил в умиление.
(Некрасов, Элегия.)

После Великой Октябрьской социалистической революции новым, действенным содержанием наполняется слово *красный* как слово, по значению связанное с революционной деятельностью, советским строем, социализмом. Создаётся целый ряд

¹ Так ещё в XIX в. назывался главный, большой двор перед фасадом.

² *Красная площадь* в Москве возникла из стратегических соображений и названа *красной* по древнему смыслу этого слова, что означало «лучшая, красивая» (БСЭ, т. 34, стр. 583).

³ В «Толковом словаре» В. Даля определено «отъявленный республиканец».

новых терминологических сочетаний со словом *красный* в этом новом, нашем, советском значении: *Красная Армия*, *красный командир*, *орден Красного Знамени* и мн. др. Но и это новое словоупотребление (формально связанное с красным цветом, но с красным цветом, как символом революционной борьбы) опирается на старые значения «счастливый», «радостный», «почётный». Только вся история значений этого слова могла подготовить то широкое, эмоциональное и семантически чрезвычайно насыщенное значение, которое это слово приобрело в наши дни, когда оно выступает как признак «советского», «революционного» и в то же время «радостного», «счастливого», воспринимаемое не как совмещение двух значений, а как одновременное восприятие мира «революционного» и «счастливого»:

Погляди — поёт и пляшет
Вся Советская страна.
Нет тебя милей и краше,
Наша *красная весна!*
(Лебедев-Кумач, Москва.)

Старый народный эпитет весны переосмыслен через новое значение — «советский», но значение, включающее в себя и старое — «радостный», «счастливый» как неперемный компонент «советского». В романе А. Н. Толстого «Хлеб» К. Е. Ворошилов говорит: «Сегодня день единения, день смотра, *красный день* пролетариата, чёрный день буржуазии» («Хлеб», гл. 8). Здесь тоже старые народные выражения *красный день* и *чёрный день* получают новое содержание, не разрушающее, но усиливающее старое.

В поэме В. Маяковского «Облако в штанах» находим:

На небе, *красный*
как *марсельеза*,
Вздрагивая, околевал закат.

Закат, *красный как марсельеза*, — сопоставление, в котором общим и сопоставляемым признаком является то, что они оба *красные*, и хотя разные *красные* по значениям, но этим сопоставлением приравниваются друг к другу.

Новые понятия, рождённые революцией,

в состав которых входит слово *красный*, могли быть названы так только потому, что слово получило такое осложнённое, расширенное значение. *Красная доска* — почётная доска лучших производственников; *красный уголок* — первичное культурно-просветительное учреждение; *Красная стрела* — лучший, наиболее комфортабельный скорый поезд между Ленинградом и Москвой. Во всех этих и многих других названиях *красный* — это «советский», «рождённый революцией, советским строем», а также «почётный», «лучший», но не раздельно, а «почётный», «лучший» потому, что «советский», а «советский» значит «почётный», «лучший».

Совсем по-новому, по-своему, по-советски мы осмысливаем *Красную площадь*, воспринимая в названии этой площади как *красной* близкое и дорогое нам всем представление «советского», «революционного», но не устраняя из него и старое значение «красивый», «лучший».

Так, в нашем сегодняшнем словоупотреблении *красный* может обозначать не только простое название одного из цветов спектра, но и сложное понятие, в котором «красный цвет», «красота», «счастье», «почёт» обрели единое представление о новом человеческом счастье и красоте, исключаемых от нового советского мира:

Красные зори,
Красный восход,
Красные речи
У Красных ворот,
И красный на площади
Красной
Народ
(Н. Асеев, Кумач.)

В этом стихотворении *красный* выступает не как одно и то же слово, но и не как омоним, а как многогранное, эмоционально насыщенное понятие, в каждом из сочетаний ярче обнаруживая одну из своих граней, вместе с тем не исключая и других.

А такое значение могло возникнуть только в результате всей предшествующей жизни слова, отразившего разные этапы в истории языка и сложную картину формирования русского национального языка.

Е. М. Иссерлин

